

МЕЖДОМЕТИЯ У МАРКО ЦЕПЕНКОВА

Наталья В. Боронникова¹

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия*

Елена В. Верижникова

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Keywords: Interjection, the Macedonian language, communication, phatic situation, speech etiquette, Marco Cepenkov

Summary: The paper on the material of the five-volume edition of the Macedonian tales collected by folklorist Marco Cepenkov, and his autobiography analyzed interjections typical of the Macedonian language late XIX – early XX centuries. The material presented in the creative heritage of M.Cepenkov, deserves a special lexicographic description, because it is not only rich and various, but captures the state of the Macedonian language well before the codification.

Ключевые слова: Междометие, македонский язык, коммуникация, фатическая ситуация, речевой этикет, Марко Цепенков

Аннотация: В статье на материале пятитомного македонского издания сказок, собранных фольклористом Марко Цепенковым, и его автобиографии анализируются междометия, характерные для македонского языка конца XIX – начала XX вв. Материал, представленный в творческом наследии М.Цепенкова, заслуживает отдельного лексикографического описания, поскольку он не только богат и разнообразен, но и фиксирует состояние македонского языка задолго до кодификации.

С выдвиганием на первый план коммуникативной стороны языка в лингвистике возрос интерес к междометиям, которые прежде находились на периферии внимания лингвистов и даже исключались из сферы языка. В последнее время появилось немало работ, посвященных коммуникативному потенциалу и прагматическому статусу междометий (см. Ameka, 1992; Wierzbicka, 1992; Wilkins, 1992; Wharton, 2003, Середа, 2005, Шаронов, 2008, Кустова, 2010 и др.). Сейчас полноценность этих единиц как языковых знаков уже не ставится под сомнение, кроме

1 © Боронникова, Н. В.; Верижникова, Е. В., 2015.

того, созрела необходимость в их лексикографической фиксации.

В российской науке первой работой, представившей концепцию словаря междометий, стала диссертация Н. Р. Добрушиной (Добрушина, 1995). Выдвинутые принципы лексикографического описания применены ею при описании около 40 русских междометий. К настоящему времени на материале русского языка опубликовано два словаря междометий и звукоподражаний: русско-английский (Квеселевич, Сасина, 2001), содержащий около 900 единиц (800 первичных и вторичных междометий и около 100 ономатопей), и «Словарь русских фоносемантических аномалий» С. С. Шляховой (Шляхова, 2004), где представлено более 1500 словарных статей, описывающих звукоизобразительные аномалии (звукоподражания, междометия, глагольно-междометные формы, слова клича и отгона животных и пр.). Над словарем междометий русского языка работает И. А. Шаронов, опубликовавший несколько статей (Шаронов, 2006). Следует упомянуть также Объяснительный словарь структурных слов под редакцией В. В. Морковкина, куда наряду с предлогами, союзами, частицами, вводными словами, местоимениями, числительными и связочными глаголами вошли и междометия (всего 158, при общем объеме словника 1200 лексических единиц) (Объяснительный словарь, 2003, первое издание 2001). Эта цифра не превышает среднее количество междометий в толковых словарях, однако существенно, что междометия отнесены здесь к структурным словам, т.е. таким, которые формируют реляционную, синтаксическую и модальную структуру текста. «Все составляющие словник лексические единицы объединяются тем, что они отражают область основных языковых и внеязыковых отношений, в том числе синтаксических (предлоги, союзы, связочные и полусвязочные глаголы, связки), модальных (частицы, вводные слова), указательных (местоимения, некоторые частицы), количественных (числительные), эмоциональных, эмоционально-волевых и этикетных (междометия)» (Объяснительный словарь, 2003: 6–7). Из этого определения ясно, что составители базируются на широкой трактовке междометий в духе В. В. Виноградова и Грамматики-80, в словнике представлены и вторичные междометия, и этикетные слова, и междометные выражения: *будь здоров, до встречи, добрый день, здравия желаю, дудки, держи карман шире* и т.п. Словарь рассчитан в том числе и на иноязычного пользователя. Среди новейших достижений в сфере исследования коммуникативно значимых элементов следует указать проект создания мультимедийного (звучащего) словаря дискурсивных слов русского языка, в который, судя по публикациям, будут включены и междометия. Отмечается, что в словаре должны найти отражение

просодические и кинестетические характеристики лексических единиц (Кобозева, Захаров 2007).

В македонской лексикографии пока отсутствуют специализированные словари, посвященные междометиям. Традиционно эти единицы включаются в толковые словари. По подсчетам З. Никодиновского, в РСХТ содержится 138 междометий, в ЗМ – 196, а в четырех томах² ИМЖ – 134 (Никодиновски, 2011: 162). Очевидно, что и в македонском языке фонд реально функционирующих междометий и звукоподражаний в несколько раз больше.

Несколько лет мы работаем над подготовкой словаря, базирующегося на материале собственной эксцерпции. Разумеется, учтены и имеющиеся лексикографические источники. Классификации междометий, принципам отбора словника, микро- и макроструктуре словаря посвящена специальная статья (см. Боронникова, Верижникова, 2014). Объем словника будущего словаря – свыше 1200 единиц. Здесь скажем лишь о том, что в процессе работы претерпело изменения, а именно – глубина временного охвата материала. Первоначально для эксцерпции были привлечены произведения XX и XXI вв., художественная литература и вышедшие отдельными книгами сборники публицистики. Существенным источником являются карикатуры, комиксы, детские книжки с картинками, в том числе для самых маленьких. Временные рамки обуславливались, прежде всего, особенностями исторической судьбы македонского языка, кодификация которого произошла лишь в 1945 г. Мы взяли и межвоенную драму и поэзию, поскольку язык произведений этой эпохи уже весьма близок к литературному. Однако наши исследования настоятельно потребовали расширения временных границ и обращения к XIX в., а именно – к сказкам, записанным Марко Цепенковым.

Марко Цепенков (1829–1920) – крупнейший собиратель народного творчества, наследие которого составляет 10 томов. Это народная проза: сказки, легенды, предания, былички, песни, малые фольклорные жанры, описания обычаев, ремесленная терминология, тайные языки.

Цепенков родился в городе Крушево (Западная Македония), а большую часть жизни провел в Прилепе. Еще ребенком, едва освоив грамоту, вопреки огромному желанию продолжать образование он был отдан обучаться портняжному ремеслу. Тем не менее пылкий и смысленный Марко читает все, что попадется ему в руки, а переезжая с отцом-лекарем из города в город, общаясь с людьми разной национальности, учит языки: турецкий, греческий, арумынский, возможно, и албанский. В 1956 г. молодой человек знакомится с Димитром Милади-

2 Пятый и шестой том ИМЖ вышли в 2011 г. и в 2014 г.

новым (1810–1862), видным деятелем македонского возрождения и собирателем фольклора. Встреча стала для Марко судьбоносной. Молодой человек вдруг осознает, что народные песни и сказки, которые были для него повседневной реальностью (и дед его, и тетка – знаменитые в своей среде «песнации», а отец – замечательный рассказчик, знающий множество сказок) представляют ценность, которую нужно сохранить для будущих поколений. Это становится для Марко Цепенкова страстью, главным делом жизни. Более полувека, невзирая на упреки домашних и насмешки знакомых, он собирает и записывает произведения народного творчества, «как попрошайка, побираясь от дома к дому» (*како што пита питачот од куќа в куќа*), так он сам с горькой усмешкой напишет о себе. Все это относилось бы только к истории славянского фольклора, если бы не особенность творческой манеры Цепенкова, его чудесный дар рассказчика, удивительное владение словом. Он не просто записывал, он расцветчивал свои сказки, переписывая по многу раз, пока те не обретут форму, которая его устроит. Отдельные сказки сохранились в нескольких вариантах, из которых видно, как обогащается диалог, герои приобретают собственный характер, индивидуальность. Марко Цепенков был мастеровым небольшого городка, человеком своей среды, выражающим ее мировоззрение, мораль, взгляды. Он донес до нас яркую, эмоциональную, живую речь македонца XIX в. Все сказки, от кого бы они ни были услышаны (а среди информантов – носители разных диалектов), самоучка записывал на своем родном прилепском говоре, что с научной точки зрения может вызвать нарекания. Но именно этот говор через четверть века после его смерти станет одним из тех, что лягут в основу литературного языка. Марко Цепенков, как отмечает Гане Тодоровский, показал «выразительные возможности центральных македонских говоров и их уверенную перспективу перерастания в литературный язык» (Тодоровский, 1974: 8). Блаже Конеский в своей основополагающей для македонской науки грамматике (Конески, 1967) в качестве иллюстративного материала к теоретическим положениям использует примеры из прозы Цепенкова. То, что было непростительным «грехом» с точки зрения фольклористов, стало благом для истории языка, поскольку сохранило для потомков огромный корпус текстов, зафиксировавших состояние македонского языка, предшествующее кодификации.

Самоотверженный собиратель не увидел свои материалы изданными отдельной книгой. Он успел порадоваться только публикациям в основном Иваном Шишмановым периодическом издании «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», который издавался с 1889 г. в

Софии, куда Цепенков переехал, чтобы найти издателя для своих материалов. (Напомним, что Македония в то время еще оставалась в составе Османской империи и ни о какой публикации македонских материалов речи идти не могло.)

Всеми забытый, ослепший, Марко Цепенков умер в нищете. На его кончину откликнулся лишь Антон Поп-Стоилов, который в некрологе написал: «Немногие узнали о смерти скромного труженика Марко К. Цепенкова, бесшумно проводили его к вечному пристанищу, и ни один венок не украсил его катафалка» (цит. по Конески, 1972: 110).

Впервые сказки, собранные Марко Цепенковым, были опубликованы отдельной книгой уже в Македонии в 1954 г. Блаже Конеским. Затем, в 1958–59 гг. выходит трехтомник под редакцией видного македонского фольклориста К. Пенушлиского (287 прозаических произведений, в том числе и неопубликованные сказки, хранящиеся в архиве Болгарской академии наук). Истинный масштаб собирательской деятельности Марко Цепенкова становится очевиден после того, как в 1972 г. увидело свет 10-томное собрание, включающее все наследие. Ныне имя Марко Цепенкова носят Институт македонского фольклора и Дом культуры в Прилепе, где ему установлен мраморный монумент. Самая известная и оригинальная сказка Цепенкова – «Сильян-аист», действие которой происходит в селе Мало Коняри близ Прилепа, где недавно была поставлена фигура белого аиста. Блаже Конеский написал: «Если аисты действительно приносят детей, то все мы – дети Сильяна-аиста» (Конески, 1972: 120).

Наследие Цепенкова – важная составляющая культурного кода македонской нации, оно входит в обязательное школьное чтение, заставляет македонских писателей и поэтов, литературоведов, философов вновь обращаться к осмыслению творчества выдающегося собирателя. Б. Конеский, Г. Стефановский, Р. Лазаров, Т. Крстевский и мн. др. черпали темы своих произведений у Цепенкова, углубляя их, наполняя новым содержанием. Поэтому правомерно было бы, по аналогии с известной формулой для русского языка «от Пушкина до наших дней», предложить при лексикографизации современного македонского языка в широкой исторической перспективе принять определение «от Цепенкова до наших дней».

Прецедент в македонской лексикографической практике фиксации материала начиная «от Цепенкова» мы обнаруживаем во фразеологическом словаре македонского языка, авторы которого в качестве начальной точки отсчета указывают сборник братьев Миладиновых (ФРМЈ, т.1, Предговор-1). Представляется, что здесь нет противоречия: братья

Константин (1830–1862) и Димитар Миладиновы – современники Марко, при этом характер текстов и техника записи Цепенкова в большей степени отражает живой македонский язык того времени.

В 1998–2011 гг. выходит 6-томное издание материалов Цепенкова (Цепенков, 1998–2011) в Софии, подготовленное Институтом фольклора Болгарской академии наук. Проведена кропотливая работа по новой читке рукописей (в ряде случаев между македонскими и болгарским изданиями имеются разночтения), софийское издание снабжено ударениями, отсутствующими в македонском (ударение Марко Цепенков проставил по настоянию И. Шишманова. Решение македонских ученых не печатать акцентуацию обусловлено, во-первых, техническими сложностями, во-вторых, тем, что и в литературном языке, и в прилепском говоре пропарокситоническое ударение, так что широкий македонский читатель не нуждается в специальном его обозначении). Полезен для иностранного читателя и опубликованный в первом томе «Словарь прилепского говора» Лучии Антоновой-Василевой. Словарь носит дифференциальный характер: те слова, в том числе и междометия, которые известны болгарскому читателю, отсутствуют в словаре. При этом он содержит большое количество слов, сохраняющихся в современном литературном македонском языке. Из словаря Антоновой-Василевой были извлечены все представленные в них междометия и ономатопои.

Хотя в нашем распоряжении и македонские, и болгарское издания, для эксцерпции мы выбрали македонское. Сплошной выборке было подвергнуто пятитомное издание сказок Марко Цепенкова (следует отметить, что оно включает, кроме волшебных и бытовых сказок и сказок о животных, предания, легенды, былички, анекдоты т.п.), а также его автобиография.

Общее количество междометий и ономатопои в выборке превысило 250 единиц, т.е. пять томов содержат пятую часть того объема, который был накоплен нами по результатам сплошной выборки из 300 источников, расписанных нами до этого, что подтверждает констатацию македонских лингвистов о чрезвычайном лексическом богатстве наследия Цепенкова. Из 799 текстов интеръекции отсутствовали лишь менее чем в десяти. Большая часть междометий из сказок представлены и в современном языке. Однако собранный корпус позволяет проследить динамику изменений в интеръективной системе, произошедших менее чем за один век. Немало единиц 1) утрачены; 2) архаизировались и ныне используются для передачи исторического колорита; 3) перешли в нижний страт языка (разговорный, просторечие); и/или 4) приобрели дополнительные коннотации (шутливую, ироническую). Прежде всего, речь

идет о турцизмах, объем которых в собранном материале весьма велик. Как известно прагматически доминантный язык, каковым был турецкий в период османского владычества, служит для билингвальных носителей ресурсом для «дискурсивных, жестообразных, регулирующих дискурс целей, т.е. прежде всего донором междометий, слов-наполнителей (fillers) и эмблематических выражений, сентенциальных частиц, фокусных частиц, включающих фазовые наречия, а также союзы, прежде всего противительные» (Matras, 1998: 293–294). В современной разговорной речи наблюдается тенденция к пейоризации турецких заимствований. Они используются в эмоционально окрашенном, шутивно-ироническом, сниженном значении (см.: Усикова, 2003: 54; Friedman, 1996: 137). Это в полной мере относится и к междометиям, в особенности к «социальным» единицам; конативам, фатикам, этикетным формулам. Что вполне ожидаемо, материал Цепенкова демонстрирует коренные изменения речевого этикета.

В текстах Цепенкова присутствуют все виды междометий, которые мы выделяем в соответствии с принятой классификацией по ведущей функции в тексте (по Р. Якобсону): эмотивные, конативные, фатические, квазиреферентивные, метаязыковые, поэтические. Однако в статье будут рассмотрены только первые три группы междометий, которые наиболее ярко показывают специфику балканской коммуникации, отраженную в текстах Цепенкова, а также характеризуют балканскую языковую личность.

эмотивная функция:

Характеристику *эмотив* в нашем словаре получают единицы, выражающие эмоциональное или когнитивное состояние адресанта. В отличие от А. Вежбицкой, различающей *эмотивные* междометия как имеющие в своей семантике компонент ‘я нечто чувствую’ и *когнитивные* как имеющие компонент ‘я нечто думаю’ или ‘я нечто знаю’ и не имеющие компонента ‘я нечто чувствую’ (Вежбицкая, 1999: 618), в нашей классификации термин *эмотив* условно используется как указание на основную функцию единицы, т.е. «прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит» (Якобсон, 1975). Если междометие отражает изменение когнитивного состояния говорящего (получение информации), то оно снабжается пометой *эмотив когнитив*. Относительно третьего типа, выделенного А. Вежбицкой, *волитивные* междометия, содержащие компонент ‘я чего-то хочу’, необходимо сделать следующее пояснение. В том случае, когда интеръективы ориентированы на адресата, у нас они получают характеристику *конатив*. Однако, как

видно из анализа русского междометия *А* (см. Кобозева, Захаров, 2007), волитивный компонент может быть направлен и на самого говорящего. Так, одному семантико-просодическому варианту междометия *А* свойственна функция «выражение адверсативного намерения». Речь идет о примерах следующего типа: – *Не забудь принять таблетку!* – *А! Надоело! Всё равно не помогает.* Авторы исследования отмечают, что «собственно, к семантике самого междометия относится только компонент волитивного состояния и противительный компонент, а само содержание волитивного состояния (действовать или воздержаться от действия) и характер обстоятельств, которые при этом игнорируются говорящим, определяются вербальным и / или ситуативным контекстом высказывания» (Там же). В толковании указано, что междометие «Может открывать собой независимую (инициативную) реплику, и в этом случае факультативно сопровождается идиомами «решения пойти на риск» типа (*была ни была!*; *где наша не пропадала!* и т.п.)» (Там же). Такого рода употребления нами тоже относятся к группе *эмотивов*, поскольку, хотя и могут выступать как реактивная реплика, прежде всего призваны выразить ментальное состояние адресанта.

Среди эмотивов Цепенкова широко представлены первообразные *ах, и, ех, ов/оф, ох, их, о, леле* (с устаревшим вариантом *лелех*), *тув/туф, у* и многие другие:

«**Ов**, јас сирота, што ме најде мене глупаа? Ете вистина било зборот што го рекле старите луѓе: оти итрата лисица паѓа стреле в стапица, еве сум и јас стреле, ем со обете нозе; **ах**, проклети чоече, што си толку итар и мудар, да вакаш сите животинки што сет на земјава и во морето. **М. Цепенков. Кн. 1, № 2: ЛИСИЦАТА. с. 8.**

Вечерта беа си дошле браќата и коа го виделе помалиот брат дојден, змија беше ги клукнало за срце:

- **Туф, туф**, бре, гоа куртулисавме од еден мрзло од куќава, и нестрекен и мрзлив, ете го па си дошол! **М. Цепенков. Кн. 2, № 225: И ВО ШТРКОО СЕДЕЛО КОА САКА ГОСПО, ДАВА. с. 395.**

Данные эмотивы являются прототипическими, составляют ядро категории междометия, они сохраняются и в современном языке, являясь весьма частотными. Однако и эта группа претерпевает изменения. Так, не единичны у Цепенкова примеры с междометием *ду*, в современном материале отсутствующем:

Падна наземи пуста Невена и одвај ’и доцелива деветте гробој и си умре згора на гробо од малиот Костадина.

- **Ду!** Керко, керко, дали и ти тоа чудо ми стори! – свика старата и си падна на Невенка и таа си умре. И се стори чудо за приказна. **М. Цепен-**

ков. Кн. 1, № 90: НЕВЕНА И ДЕВЕТТЕ И' БРАЌА. с. 429.

Кога чу тој збор мажот, отрчал дома и грабнал едно пиштол, та ја убил жената си. Во исто време втаса бабата и спискала:

- Дуу, да видел Господ што стори чоеков, сега ќе одам да кажам на конак! **М. Цепенков. Кн. 2, № 138: ЃАОЛОТ НА БАБА ПРЕСТОРЕН УБИ МАЖ И ЖЕНА. с. 112.**

В *когнитивной функции* в текстах сказок представлены единицы *а, аха, ха*, характерные и для современного языка:

По неколку дни го викнал вторио зет и него го прашал како живеи со ќерка му.

- Многу арно си живеиме, дедо – му рекол зето.

- А бре, зете, ами нема некој лош табиет, чунки јас ја знам оти има еден лош табиет?

- Лошио табиет му је, дедо, коа се налутуа, многу ми приврескуа као мачка, тики со нокти сака да ме драска. При сè тоа пак ми је арна, нека ми је жива!

- **Ха, а-а-а**, ете таа је од мачката! – си рекол Нојо. **М. Цепенков. Кн. 5, № 632: ДЕДО НОЈО ГРАДИ КОРАБ ОТИ ЌЕ БИДЕЛ ПОТОП. с. 30.**

Пак не 'а дочека глупаата гугучка да и' докажит сето до крај, летнала како в глаа удрена, велејќи и', како првијо пат:

- **Аха**, ми текна, ми текна како сака да го праам седелото. **Кн. 1, № 36: ЛАСТОЈЦАТА, ОРЕЛОТ, ШТРКОТ, СТРАЧКАТА И ГУГУТКАТА. с. 92.**

В отношении *вторичных междометий* мы придерживаемся широкой трактовки, во-первых, включая сюда и однокомпонентные, и многокомпонентные единицы, а во-вторых, принимая во внимание, вслед за В.В. Виноградовым (Виноградов, 1986: 621), что к этой группе относятся единицы как полностью омеждомеченные, десемантизированные, так и те, которые еще сохраняют близкие связи со знаменательными словами, к которым восходят. И.А. Шаронов, строго подходящий к определению вторичного междометия, выдвигает в качестве критерия обязательное наличие следующих признаков: «а) изолированная синтаксическая позиция; б) десемантизация; в) потеря словоизменительных возможностей; г) потеря сочетаемостных возможностей; д) внутренняя аморфность грамматической модели» (Шаронов, 2008: 59).

Представляется тем не менее, что отношения между знаменательным словом и интеръекцией сложнее. На практике даже при полной междометизации лексемы семантический ореол значения производящего слова в той или иной мере сохраняется, что в следующем примере из

Цепенкова послужило почвой для языковой рефлексии:

Ете така родил маж дете еднаш, и од тој саат си го кренал дарот и блаосоот Господ од мажите да раѓаваат деца, а си блаосоил жените, и од тоа нешто сега децата викаат „Олеле, мајко!“ коа да плачат, а не викаат „Олеле, татко“! **М. Цепенков. Кн. 5, № 651: ЗОШТО РАЃА САМО ЖЕНАТА. с. 62.**

Транспонироваться могут не только существительные. В частности, частотной единицей как в современном языке, так и у Цепенкова, является редуцированное *види*, междометизированный императив:

Дојде табииетлијата да ручат и му ставила синијата.

- Што 'а клааш дури тамо синијата – је рекол навреќнато – поамо клај 'а.

Ја потурнала по до него.

- **Види, види**, во колениците ќе ми ја пикни! Еве овде се клава, ја!

И ја поттурна малце потамо синијата. **М. Цепенков. Кн. 4, № 368: ТАБИИЕТЛИЈАТА МАЖ И БРБЛАИО – ШТО СИ 'И ТРАМПИЈА ЖЕНИТЕ. с. 28.**

Здесь имеет место и лексическая, и грамматическая десемантизация, *види, види* – не побуждение, а симптом досады. Очевидно, что говорящий не предлагает жене «посмотреть» или «разделить эмоцию», ибо она сама и является причиной негодования, цель говорящего – выразить свое раздражение, показав тем самым свое недовольство. Однако едва ли можно полностью отрицать, что «шлейф» и лексического, и грамматического значения формы присутствует и в междометии. Это подтверждают и переходные случаи. В следующем примере полумеждометное *види* включено в синтаксическую структуру предложения:

На тоа згора беше посигнала со рака над нив да види да не и' налегнало нешто што јачат децата. Едно беше клало раката згора и је беше пропаднала во една волна мека како бубак; Стана сторила оти била кучката што ја имале, та дала вик по неа.

- Ха, натемате, кучка ни една; **види** а кај дошла да легни? Над децата, да му тежи и да и' мачи! **М. Цепенков. Кн. 5, № 778: ДРУГО СЕНИШТЕ ВО БИТОЛА. с. 243.**

Среди вторичных междометий, помимо типичных и для современного языка *мајка, мајче, Господи* и т.п., имеются уже не встречающиеся *Алла, Ала* (в художественной литературе для стилизации используется *Алах*).

Внутри эмотивов отдельную группу составляют *бранные междометия*. Интересно, что здесь у Цепенкова мы находим почти исключительно турцизмы *анасана, анас 'н'* (← *тур. anasini!* мать твою!) и с тем

же корнем *шоана*, ныне вышедшие из употребления. Разумеется, такая ситуация не говорит о том, что в XIX в. в узусе отсутствовали славянские обценные междометия, но автоцензура собирателя не позволяла ему использовать таковые в своих записях, а турцизм, очевидно, был вполне приемлем: всего в сказках более 70 употреблений, чаще в сочетании с *ах*, *ај*, *бре*:

Коа видел мрзло оти не се корнела тревата, ја арнисал и си седнал под сенката, та си запалил чибукот.

- **Ај анасана**, како да му праам на тревава? Да ја корнам, мака ми е, да ја остаам, страмота је, ами чаре? **М. Цепенков. Кн. 1, № 32: ДВЕТЕ ВРАПЧИЊА И МРЗЛИВИОТ ЧОЕК. с. 84.**

Иногда в своих записях Цепенков в скобках дает «закадровый» текст, который доносит до нас речь его современников, и одна из таких ремарок указывает на то, что турецкое ругательство действительно было широко распространено:

Си удрија по една чаша тока момчето и Дуња Ѓузели и се напија. Коа се напило момчето од ракијата, се зачудило на миризбата што мирисала, а пак сладиноста и лезето што го имала веќе не се искажуало, страшна работа било („А **анас’н’**, како не бев јас тамо – ми каза приказот – да да се изнапиев од таа пуста ракија!“), само да се пие чоек и ништо друго. **М. Цепенков. Кн. 1, № 71: ДЕТЕТО ОД ДРВАРОТ ШТО МУ ПОРАСНАА ДВА РОГА И ДВЕ ТОЈАГИ, ЕДНАТА ЧОЕЧКА И ДРУГА МАГАРЕШКА, И ДУЊА ЃУЗЕЛИ. с. 345.**

Модель междометизации словосочетаний демонстрирует следующий пример, впрочем, единичный и для современного языка нехарактерный:

Си имал еден стап чококов, на греди клаен, близу од десет години време што си го чуал; го зел него и му отишол на пладништето кај капињето. Вистина, ете му го к’метот кај си спиел завиткан во една сакма, како коа да било стред зима: со усул му се прибрал и го грабнал за врат, та му легнал да го биет со стапо, удри, гиди, удри, гиди.

Дал вик к’метот:

- Аман бре господаре, не тепај ме, кажи ми што сакаш да ти даам?

- Како што сакам, **веричката твоја**, јас да работам гологлаечки дење-ноќе, празник-делник и ти да лежиш во трњево и во капињево, како некој деребеј! Што не работиш и ти, бре пес, бре куче краставо, како што работит к’метот от брата ми? **М. Цепенков. Кн. 2, № 184: К’СМЕТОТ И ДВАЈЦАТА БРАЌА. с. 243.**

конативная функция:

В отличие от эмотивов в семантику конативов обязательно входит наличие адресата.

Логично здесь прежде всего говорить о междометиях, описываемых как «слова, которыми выражаются волевые изъявления, побуждения. Это своеобразная группа междометных императивов» (Виноградов, 1986: 620), т.е. такие единицы, произнесением которого говорящий побуждает адресата к выполнению/невыполнению действия. Это те междометия, которые А. Вежбицка называет *волитивными*. Полагаем, однако, что для наших целей лучше сохранить термин *императивные* во избежание смешения с эмотивами, выражающими волю говорящего, направленного на собственные эмоции и поступки, о чем говорилось в предыдущем разделе. Различие между волитивными и императивными междометиями в определенном смысле сходно с различием между оптативом и императивом.

Таких междометий у Цепенкова не очень много, это *aj, ajde, eла/елате* (греч. *έλα, έλατε*). Первые два чрезвычайно частотны в разговорном языке, (*x*)*ajde*, как известно, является общебалканским, а греческое заимствование, хотя и не вышло из употребления, но не столь частотно, относится к разговорному стилю и не связано с каким-либо глаголом (в отличие от болгарского языка, где это нейтральная супплетивная форма императива для глагола *дойда*).

Особого внимания заслуживает турцизм *сиктер, сикт'р* 'вон, проваливай', встречающееся, хотя и нечасто, и в современной литературе. Это междометие, хотя и весьма грубое, тем не менее, не является табуированным словом, так как утратило связь с семантикой исходного турецкого глагола:

- Не погоди! – му рекол кадијата. – Ја речи ти, бре Бугарине, тој збор по бугарски.

- Пеки, кади баба, да речам: мотиква!

- Браос, Бугарине – му рекол кадијата – твоја је рибата! Ај **сикт'р**, ти, Грку, оти немаш прао. **М. Цепенков. Кн. 4, № 565: ГРКО И БУГАРИНО СО РИБАТА И КАДИЈАТА. с. 358.**

- Аман, дан'м – му повторил питачот – те молам дај ми еден сомун леб, да не ми умрат децата.

- **Сикт'р** оттука, бре керата, ако ти умрат децата, умри и ти бре, пеземенголли! **М. Цепенков. Кн. 4, № 421: СКРЖАИОТ ТАИНЦИЈА ШТО БИЛ ВО СТАМБОЛ. с. 118.** Известно, что обценные выражения легко заимствуются в силу особой эмфатичности и обособленности, выделенности из потока речи, но чужая брань не задевает глубинных пла-

стов сознания, не осознается как богохульная (о мифологическом аспекте матерной брани см. Успенский, 1994).

В группу конативов входят *вокативные междометия*, весьма тесно связанные с фатическими, которые будут рассмотрены в следующем разделе. От фатических их отличает функция призыва, привлечения внимания в том случае, когда собеседник не ожидает контакта, не видит адресанта и т.п.:

- Еј старче, овде го нема арзоало, кажи што го стори? Да не го изеде нешто, бре старче? Дај да те подушиме кај устата, да видиме да не нешто мирисаш на книгата од арзоало. **М. Цепенков. Кн. 1, № 25: ПЦИТЕ КОГА СЕ ЖАЛИЈА НА ЦАРО. с. 70.**

Откоа се пооддалечила девојката од царскиот син, си отпуштила косите и му рекла вака:

- Дејгиди синче царево, горска еребица в раце ти дошла и не си умеал да ја ватиш за в кавез да ја клајш. Јас девојче си бев и девојче сум си, види ми косите, види ми 'и боските и седи ми со здравје! **М. Цепенков. Кн. 3, № 244: МОМА ВОЈНИК. с. 44.**

Отдельную группу в этой рубрике составляют *интеръекции, используемые в речевых актах*: похвала – порицание/поругание/посрамление. Таких единиц у Цепенкова немало и репертуарно, и по числу употреблений.

Похвала: *браво/брао/браос; алал да ти е/да ти е алал; ашколсун/ашколсум, евала*:

Откоа го ислуша царо геривчијата и го виде променет како некој тргоец, **браос** му рекол, оти вистина така било и **ашколсун**, бре геривчи, оти вистина таков јет измекарл'ко, полош од лајната што сет во геризо. **М. Цепенков. Кн. 3, № 283: ЦАРО И ГЕРИВЧИЈАТА. с. 178.**

- Е, виде дедо – му рекло – оти му го украдов и јарецот?

- **Ашколсун**, бре внучко, ете ти ќе бидиш арамија над арамиите, **ашколсун** и пак **ашколсун** сакам да ти речам. **М. Цепенков. Кн. 4, № 437: ТАТКО СО ТРОЦАТА МУ СИНОИ ЖИВИ АРАМИИ. с. 148.**

Така му реков на Кузмана и се качив горе на одаја, та ја зедев торбата со збирките и му кажав на Кузмана.

Кога 'и прегледа овде-онде:

- **Браос**, ми рече, многу те радуам, оти олку труд си положил, бидејќи си дуќанџија и од дуќано чекаш да живееш. **Браос, браос**, да живееш, Марко! Не е мала работа овој труд, што си го чинил. Треба да знаеш оти има луѓе што знаат скапо да ценат вашио труд. **М. Цепенков. Автобиографија. с. 337.**

Коа ји чул тие зборои каскатијата, еле се укротил и го повел за дома. Ка-

чујќи се по скала горе, виде оти и негоите скали биле уште пораскапани и си прогоорил:

- **Браво, браво!**

- Зашто велиш **браво**, пријателе? – го праша каскатијата.

- За скалава, оти је многу порасипана од мојата. **М. Цепенков. Кн. 4, № 365: ДВАЈЦА БОГАТАШИ МИЛИОНЕРИ, СКРЖАВЦИ НА ПРЕКАР КАСКАТИИ. с. 18-19.**

Порицание/посрамление: *дујда, ујда, удуду, јазак/јаз'к:*

Детето од бабата го потседлало коњчето со еден ветов мутав, се променило во едни алишта сиромашки; беше растурило косата, нито тој омиен, нито коњчето исчешано и обрисано; беше го вјавнало без узда и со огламникот како со камшик го терало пополека како кирација и, чунки немало узенгии, туку си 'и мавтало нозете и право си дошло кај сите момчиња и ќе ти поминит пред цареа ќерка да го видит. Деца што го виделе, беа му се развикале:

- **Дујда**, не му је страм, и дрварчето дошло со крастаиот коњ да надбодинуат цареа ќерка за неа да ја земит! **М. Цепенков. Кн. 1, № 66: НЕ-ВЕРНА ЖЕНА, СИН И' И НЕГОВИОТ КРИЛАТ КОЊ. с. 295-296.**

Од големиот повик на луѓето по смртта, беше је се здодеало и беше ошла кај Бога плачејќи, му се поклонила и му рекла:

- Ќе ти се молам, Господи златен, да ми ја земиш работата што ми ја даде, оти дерман немам од луѓето што 'и умирам. Страшен повик имат по мене од луѓето; страшни клетви ми даваат. Да од тоа, златен Господи, те молам многу да ми даиш една друга работа да ти работам, што да не викаат луѓето по мене „**дујда**“, како по бесен пес или волк. **М. Цепенков. Кн. 5, № 654: ГОСПОД И СМРТТА. с. 65-66.**

На тоа згора гаолот се успокоја и си отиде. Одејќи по патот, си рекол со умот:

- „Ај, анасана, јас ни абер имам за бабата, светот дадоа вик по мене да ме колнат и да ме ругаат; јади, не јади – волко; се „**удуду**“ се вика по него, така и по мене. **М. Цепенков. Кн. 2, № 144: ЃАОЛО И БАБАТА. с. 136.**

Тргнал врата и пак 'и заклучил внатре, та отрчал на конак и сторил давија оти тројца арамии му влегле во свињарницата. Дошле од конак и – што да видат? – Тројца арамии: владика и протосунгел сосемати га-кон. И зеле пред пушки сејмените постред чаршија да 'и носат на конак. Мало, големо 'и виде, **ујда** деца по нив викаа и 'и отсудија не знам колку пари да даат и апс да лежат. **М. Цепенков. Кн. 4, № 466: БЕСЧЕСНИТЕ: ВЛАДИКА, ПРОТОСУНГЕЛ И ЃАКОН. с. 198.**

За сто лет произошли существенные изменения в употреблении

приведенных единиц. Что касается междометий похвалы, то наиболее частотное и нейтральное в современном языке *bravo* у Цепенкова уступает остальным по употребительности. *Браос* на нынешнем этапе является разговорным, а самое частотное *ашколсун* ← *тур. aşkolsun < âşik olsun* , устарело и используется теперь в исторических произведениях или в разговорном языке в ироническом ключе. Удивляет отсутствие у собирателя турцизма *аферим* , употреблявшегося македонцами в османский период наряду с *ашколсун* и разделившего его судьбу в литературном языке.

Междометия *дужда, ужда, удуду* и вовсе вышли из употребления, в корпусе, собранном на материале художественной литературы, имеется единственный пример с *ужда-да-да* из Б. Конеского, где оно выступает как междометие при травле волка. Для выражения презрения в современном языке используется *уа* , которое в материале Цепенкова не встретилось. Вместо архаичного *јазак* , изредка встречающегося у македонских прозаиков, теперь употребляются многочисленные омеждомеченные производные от существительного *срам* (*срамота, срамотилаци* и т.п.). Семантико-коннотационные изменения пережил и конатив *аман* (см. Боронникова, Верижникова, 2011).

Р. Якобсон внутри конативной функции выделяет магическую, заклинательную функцию – «это, по сути дела, как бы превращение отсутствующего или неодушевленного “третьего лица” в адресата конативного сообщения. “Пусть скорее сойдет этот ячмень, *тьфу, тьфу, тьфу, тьфу!*” (литовское заклинание)» (Якобсон, 1975).

Вполне предсказуемо, что в материалах Цепенкова междометия, выполняющие эту функцию, составляют существенную долю всего объема. Это объясняется тремя факторами: христианским мировоззрением собирателя, элементами мифопоэтической картины мира (вампиры, призраки, наречницы, определяющие судьбу младенца и т.п.), а также влиянием речевого поведения мусульман – носителей доминирующего языка, являющегося донором большого количества магических единиц.

По функции их можно разделить на междометия-обереги, междометия-клятвы, междометия-проклятия.

К первым относятся *Бог да чува, Бог да прости, Боже помози, Фала Богу, не дај Боже, дај Боже здравје, слава тебе Господи, сполај Богу, натема* (по отношению к дьяволу) и др.

Собранный материал позволяет проследить эволюцию в употреблении междометий и трансформацию их грамматической функции. Показательный пример – существительное **натемаго**, использующееся в современном языке со значением ‘нечистый, дьявол’: «Всушност, на-

родот наш, особено во минатото, се плашел од самовили, лоши духови, маѓии. Врв на тие “натприродни” и страшни појави е ѓаволот. Оттаму и феноменот на многу имиња – синоними за него: Рогатиот, **Натемаго**, Нечестивиот, Црвениот, Луцифер, Лукавиот, Сотона...» (Вечер, Бр. 13290, 05.09.2006). Тексты Марко Цепенкова с очевидностью демонстрируют, как произошел переход междометия в существительное. Ни одно упоминание нечистого не проходит без сопровождающего его проклятия: **натема го** ‘анафема ему’ из греч. ἀνάθημα ‘отлучение’:

Десет години служел еден клисар во една црква и од акот што си земал си живел многу арно со челафта. Арно ама ѓаол, **натема го**, сеедно го дупел да не је благодарен од ако што го земал, ами да сака да је големец, и најпосле го донесе на еден ум што да тргни по ѓаола. **М. Цепенков. Кн. 2, № 132: НЕБЛАГОДАРНИОТ КЛИСАР ШТО ЗАПАЛИ КАНДИЛО НА САТАНАТА. с. 92.**

На тие мисли и разгоори што ’и праел поганио сиромав, го чул – **натемаго!** – едноногио и туку му се испрајл осад него, та му се претставил, како некој многу богат чоек пред него. **М. Цепенков. Кн. 2, № 143: ЃАВОЛОТ И ОРТАКОТ НЕГОВ. с. 131.**

- Туф, бре гиди, што превара му стори ѓаоло – **натемаго!** – на сирота баба, ја отепа, завали баба; тјуф, тјуф, тјуф, ѓаол – **натемаго!** – види кај ја натепа да се качуа да падни! **М. Цепенков. Кн. 2, № 144: ЃАОЛО И БАБАТА. с. 135.**

В то же время упоминание Господа регулярно сопровождается междометным выражением **сполај му** ‘слава Ему’ (Из греч. εἰς πολλὰ ἔτη «многая лета» (М.Фасмер, т. 2: 141)), и, таким, образом, противопоставление Господа и лукавого формирует антонимические отношения в паре **сполај му – натема го**:

Тамам беше се обзорило, и си ошол во г. Битола, та му кажуал на мајстора му и на друзи што патил во сонот и што видение беше видел таа ноќ.

- Ѓаол, **натемаго**, е силен – му рекол мајстор му – ама Господ, **сполај му**, е уште посилен и со едно запеуање од петел те избавил, бре Никола. Од сега вамо без дури не се прекрстиш убао, да не легниш никојпат, оти идат ваквие ѓаолцки превари. **М. Цепенков. Кн. 5, № 779: ПРЕСЕНУАЊЕ ВО БИТОЛА. с. 245.**

Следует отметить широкое употребление турецких формул-оберегов, содержащих обращение к Аллаху: *алаверс’н/алаверсин* ‘дай Боже’, *алаберекетверс’н* – ‘пошли Бог изобилие’; *алла сељамет верс’н* – ‘помоги тебе Бог’, *алах керим* ‘Бог в помощь’, *ишала/инишала* ‘дай-то Бог, если Богу будет угодно’, *машала* ‘слава Богу’ и т.д. Интересно при этом,

что иная конфессиональная принадлежность носителей языка-донора и, по сути дела, иная идеологическая наполненность исходного выражения не препятствует употреблению таких единиц носителями-христианами и переосмыслению их в соответствии с собственными убеждениями:

- Е, мори жено – је рекол тој – а пак да знајш, јас колку те милуам тебе, кај што спијам би ме гледала!

- Види, види, жити Господ – му рекла таа – да и ти зер толку си ме милуал! Сполај ти, Господи! За чудење со нас ќе бидит! Знајш, домаќине, зашто имаме двата ние толку голем милос? Венчанието нè приимнало, зер тики од тоа толку се милуаме. **Алаверс’н** нека даеше Господ и убаа Богороица, довед така да се милуаме и да си се сакаме, да кој како сака нека речи за нас. Ние не треба да слушаме светот, чунки на арните луѓе свето му завидуат; ама не је вака, домаќине? **М. Цепенков. Кн. 4, № 383: ЖЕНСКО ЛУКАВСТВО. с. 56.**

Ти ми рече: до четириесе дни ќе те ватит, и јас по твојо збор се поверував за до четириесе дни да ме вати греот и го украдов весот со чалмата и си мислев оти до четириесе дни **алах-ќерим**, па можи да одев кај некој друг дуовник и ќе се исповедав да ми се прости и овој грев, арно ама еве грео ме вати до четириесет декики, а не до четириесет дни. **М. Цепенков. Кн. 3, № 323: АРАМИЈАТА ШТО СЕ ИСПОВЕДА НА ДУОВНИК. с. 292.**

Коа беше се разиграл петел, брате мило, едно оро, коа беше ватил да врлат дортлемиња, како некој најарен коњ што да чинит илјада грошеји, ами коа беше го пуштил пак на од само по себе да одит, - пиле. пиле не можело да го втаса, а не друг коњ; ама на дизгин коа го пуштил елвидиите беше ватил, **бериќатверс’н** уздата многу го држеше, тики веднаш го запрел, оти ако беше послаба уздата, нигде не ќе моеше да го заприт. **М. Цепенков. Кн. 4, № 488: КОГА МУ СЕ РОДИЛ ТАТКО МУ НА ИТРОМАН ПЕЈА, ОТИШОЛ НА НЕБЕСИ ДА МУ ПЕИ МАЛАТА МОЛИТВА НА МАЈКА СИ И ПОСЛЕ ОТИШОЛ ДА МУ ПРАИ КРОШНА. с. 246.**

- Што викаш, бре волку – го прашал овчарот – кажи да чујам?

- Ќе ти кажам, бре овчарко, туку истерај ’и прво пците одовде, да после ќе ти кажам, оти е скришна работа, али за големо добро **ишала** ќе бидит – му рекол волкот. **М. Цепенков. Кн. 1, № 16: ВОЛКОТ, ОВЧАРОТ И ПЦИТЕ. с. 49.**

Седејки еден ден на меана да си ручаат, почнале да се разговараат за богасто како да спечалат и да си одат на виљает и да се женат, како што се жениле нивните другари.

- Море, многу годиње треба да седиме ние овде на туѓина дури да

спечалиме по колку што ни требаат пари и после да ојме на вилајет и да се жениме. **Ишала, машала** дури да остареиме, ќе спечалиме и ќе си ојме, та после ќе се ожениме. **М. Цепенков. Кн. 1, № 74: ТРИТЕ МОМЧИЊА, ЦАРОТ И К’СМЕТОТ. с. 360.**

Среди междометий-клятв также встречаем исконные и заимствованные единицы, содержащие призыв Всевышнего в свидетели (ср. русское *божиться*): *богати, богме, жити Господ; валла, биља/валаи и биљаи; алајсе; алагеорсун* ‘ей богу, клянусь’:

- Ела де да го испиеш морево, оти ако не го испиеш, **валла, биља**, ќе те врлам во море и ќе те удаам! **М. Цепенков. Кн. 3, № 259: СКАПИТЕ ДРВА ШТО СЕ ПРОДАВАА ЗА ТРИ ПАНИЦИ БОЛВИ. с. 113-114.**

Следующий пример наглядно демонстрирует ситуацию, способствующую заимствованию таких междометных формул: кади (османский судья) призывает допрашиваемого принести клятву.

- Вистина, бре чорбаци, си ја видел месечината? – му рекол кадијата.

- Вистина, кади ефенди, ја видов.

- Али земаш клетва?

- Земам, ама оти да не земам коа сум на правина.

- Речи **валлаи**, речи **биллаи** – му рекол кадијата.

- **Валлаи, биллаи!** – рече Дерменко. **М. Цепенков. Кн. 4, № 417: ДЕРМЕНКО ПАПУЦИЈАТА МАРТИРИСАЛ РАМАЗАНОТ ВО ПРИЛЕП. с. 110-111.**

Проклятия не столь часты у Цепенкова, что объяснимо, поскольку они считаются на Балканах характеристикой женского речевого поведения. Тем не менее и тут употребляются заимствования из турецкого языка, например *ала-беља ни-версан* ‘накажи его Бог’:

Си тргнал царо со војската за дома и келешо одоколу пошол во калта да го вади коњот.

- Туф **ала-беља ни-версан** со овој келеш што си налепив, за срамота ме стори! – рекол царо. **М. Цепенков. Кн. 1, № 63: ТРИТЕ САМОВИЛИ, СТАРИОТ СЛЕПЕЦ И КЕЛЕШОТ. с. 273-274.**

В современном языке из вышеприведенных заимствованных междометий сохранилось лишь *машала* и чрезвычайно редкое *берикетверсен*, но и они утратили свою магическую функцию. Ее отголоски можно найти лишь у *машала* в речи суеверных людей, чаще же оно употребляется иронически в качестве псевдопохвалы (см. Верижникова, 2011). Употребление славянских формул-оберегов до сих пор весьма частотно, но подразумевается или нет «третье лицо», которое содержит формула,

зависит от мировоззрения говорящего. В зависимости от того, насколько стертой мы будем считать магическую функцию, можно говорить о переходе междометных формул *не дај Боже, фала Богу* и др. в эмотивы.

фатическая функция:

Фатические средства направлены на контакт, их преобладающая функция «установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи (“Алло, вы меня слышите?”), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно (“Ты слушаешь?” или, говоря словами Шекспира, “Предоставь мне свои уши!”), а на другом конце провода: “Да-да!”» (Якобсон, 1975).

Специализированными средствами контактоустановления и прерывания контакта являются этикетные формулы. Концепции, придерживающиеся широкого понимания междометий, включают в состав класса интеръекций слова, обслуживающие сферу этикета (Виноградов, 1986; Русская грамматика, 1980: 734).

Тексты Цепенкова изобилуют типичными диалогами в ситуациях приветствия, прощания, знакомства, приглашения, извинения, поздравления и т.д. Это своего рода энциклопедия современной ему коммуникации в самых разных обстоятельствах. Более того, несколько сказок специально посвящено коммуникативным неудачам, связанным с неуместным употреблением ритуальных формул, т.е. имеют дидактическую направленность, являясь своего рода пособием по речевому этикету. Важно иметь в виду, что междометия, использующиеся как этикетные знаки, совмещают конативную и фатическую функции, и зачастую преобладающей является конативная, в частности, конативами являются сигналы благодарности (*сполај ти*), приглашения (*повели, заповедај, бујрум*), похвалы и т.д.

В данном разделе нас интересуют только фатические употребления междометий, и к таким можно отнести формулы приветствия и прощания, использующиеся для установления и прерывания контакта. «Фатическая функция осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых – поддержание коммуникации» (Якобсон, 1975). Для формул приветствия и прощания универсальным является благопожелание.

Е. В. Клобуков, исследуя фатические коммуникативные ситуации, указывает, что их характер «предопределен а) коммуникативным и социальным статусом участников речевого акта, б) каналом связи, в) общими условиями протекания коммуникации и в) фазой (стадией) речевого акта» (Клобуков, 1996: 188). В сказках представлена непосред-

ственная устная коммуникация. Коммуникативный статус – говорящий и слушающий, т.е. в случае контактоустановления – инициатор контакта и отвечающий на инициативу. Для каждого из них имеются соответствующие роли реплики.

Что касается социальной составляющей, то она отражает историческую ситуацию и значительно отличается от современной. Во-первых, наиболее существенным фактором при выборе формулы является конфессиональная принадлежность коммуникантов. Иные статусные различия практически несущественны, среди единоверцев различия старший – младший, хозяин – слуга, знакомый – незнакомец, богат – бедняк не столь существенны, во всех случаях употребляются один и тот же набор приветственных (*Помози Бог/Господ, добро утро, добар ден, добровечер, здра(в)о, здра(в)ожи(в)о, добредојде и т.п.*) и ответных реплик (*дал ти Бог/Господ добро и др.*). Общение в подавляющем большинстве случаев ведется на *ти*, обращения на *вие* во всех пяти томах единичны и, даже если спорадически встречаются, то не выдерживаются последовательно.

Одејќи низ една планина, еве ти еден старец кај паси едно ергеле коњи и кобили.

- Помози Бог, дедо – му рекло момчето – здраожно.

- Дал ти Бог добро, момче – му рекол старио – здраоживо сум, а ами ти како си? Ако дај Госпо, каде вака си тргнал? **М. Цепенков. Кн. 1, № 51: ПЕТКО ЛАЈЧАРО, ЧУМАТА И СИН МУ СО САМОВИЛСКОТО КОЊЧЕ. с. 161.**

И отишол царо во селото, та влегол во куќата и го видел старио кај туку делка со секирата едно дрво.

- Помози Бог, старче! – му рекол.

- Дал ти Госпо добро, пријателе! – му одговорил старио.

- Како си, здрао, живо?

- Слава Богу, здрав и жив сум. Ами вие како сте?

- И ние сме толкуа здрави. Знаиш, старче, што се вратив при вас?

Слушај ме да ви кажам. **Кн. 3, № 282: ЕДЕН ЦАР ШЕТАЛ ТЕБДИЛ СО САДРИЈАЗАМО ПО ЦАРШТИНАТА НЕГОА. с. 175.**

Закачи крлугот и ја кладе капата згора, та го нарече како наместо кајата и му рече:

- Добро утро, каја!

- Дал ти Госпо добро, овчарко – сам си одгоори.

- Добре дојде! Што чиниш, како си, како ти сет овците и бравите?

Како ти е браот со позлакените рогаи?

- Сполај Богу, каја, здраожно сум; овците и бравите сите сет здрави

и арни, ама браот со позлаќените рогои го изеде волкот, вие бидете жив!
М. Цепенков. Кн. 3, № 333: БРАОТ СО ПОЗЛАЌЕНИТЕ РОГОИ. с. 319-320.

Преимущественными формулами являются содержащие упоминание Господа, их намеренное избегание характеризует человека и осуждается православным социумом:

Арно ама старецот орал и под око се пулел коа го крадел Итромаан Пејо сланутокот и, откоа го опљачкал, кинисал да си оди и дошол пред старио да му речи „**Помози Бог**“ и како од чесните момчиња да се кажит пред него, а пак старецот асли така бараше за до него да му дојдит, и да го ватит за сланутокот да му го земит, и да го накажит.

- **Помози Бог**, старче – му рекол Итромаан Пејо – ораш, ораш?

- **Дал ти добро Бог**, синко, орам, ами што да праам – му рекол старио и спружил рака старио да се здравуа, – здраво и живо си ми, момче?

- Здраво, сполај Богу, сум, дедо – му рекол Итромаан Пејо и му ја подал реката да се здравуат. Едно му ја подал и го ватил старио јако за рака, та му врзал неколку трешници преку очи и му го изваил сланутокот од пазуи.

- Али арамија ќе се учиш, бре свинцки сину, и песи сину, да крадиш слануток, јас на старос да орам и да сеам, а ти сланутокот да ми го крадиш? Ела сега вамо да те врзам за магарено за да го пасиш дури да доорам, да после ќе те носам в село кај коцабашијага да те пресуди.
М. Цепенков. Кн. 4, № 488: КОГА МУ СЕ РОДИЛ ТАТКО МУ НА ИТРОМАН ПЕЈА, ОТИШОЛ НА НЕБЕСИ ДА МУ ПЕИ МАЛАТА МОЛИТВА НА МАЈКА СИ И ПОСЛЕ ОТИШОЛ ДА МУ ПРАИ КРОШНА. с. 247-248.

В приведенном примере формулы приветствия выполняют весьма интересную и нетривиальную функцию, помимо чисто фатической: употребляя благочестивую формулу, хитрый Пейо стремится представить себя добропорядочным юношей и прикрыть свой неблагоприятный поступок, а собеседник, используя в ответ стандартную этикетную реплику, означающую доброжелательность и согласие на контакт, усыпляет бдительность воришки и наказывает его.

В следующем примере неупотребление героем благочестивой формулы становится показателем его морального падения:

Црквата многу беше ја омразил и никако веќе името Божје не го наумуаше као напре, коа велеше „**дал ти Госпо добро**“, триста пати. Почна чоек да вели „**добро утро**“ за „добро утро“. И понекогаш не му одгоараше на чоека; спроти чоека: ако је богат, многу му одгоарал, ама и тоа со полојна уста му одгоарал. Со еден збор, толку беше се кабардисал, што

носо да му паднеше наземи, не се наведуал да си го земит. **М. Цепенков. Кн. 2, № 97: БЛАГОЗБОРЛИВИОТ КАМЕНАР КОГО БОГ ГО ОБОГАТИ И ПОТОА ПАК ГО ОСИРОМАШИ. с. 7-8.**

При вступлении в контакт с незнакомым собеседником определение его конфессиональной принадлежности происходит мгновенно, по внешнему облику, по обстановке его жилища, как в следующем примере:

Страв, нестрав, нема вајде, коа се нашол во таа планина! Едно се приближал до колибата и кога гледа: мажи и жена со три-четири деца си се греат околу огнот.

- Еј шукур – си рекол богатио – овие биле рисјани, тамам како што сакам. **Добровечер**, пријателе – му рекол.

- **Дал ти Госпо добро**, пријателе – му рекол сиромαιο.

- Ако е кабил, ај приберете ме вечерва да пренокевам, чунки ме стемни. **М. Цепенков. Кн. 3, № 305: ТРИТЕ НАРЕЧНИЦИ ШТО ГО НАРЕКОА ДЕТЕТО ОД СИРОМАИО ДА МУ ЈА ЈАДИ СТОКАТА НА БОГАТИО. с. 230.**

Естественно, что и животные, и растения, и солнце, и ветер, и двенадцать месяцев, персонифицируясь, оказываются принадлежащими своему, православному миру, опознающими собеседника как единоверца:

Пошло сирото девојче ноќта на чешма за да залеит вода и, кога дошло до дрвото, видело единаесетмина мажи и една стара жена, поседнати околу-наоколу на тркало. От мажите имаше и стари, и млади, и куси, и долзи, а еднио бил многу кус. Жената стара стојала многу смуртена, таа била баба Марта, а другите биле единаесетте месеци и најкусиот бил Сечко (февруари). Кога 'и видело девојчето, се престрашило и му рекло:

- **Добровечер**, стриковци, што чините, како сте, здрао-живо сте?

- **Дал ти Бог добро**, девојче – и' рекле месеците – арни сме, здрави и живи. Ами ти како си и што бараш во ниедна доба да идиш на вода? Ами како не ти ет страв, мори девојче? **М. Цепенков. Кн. 1, № 73: ДЕВОЈЧЕТО И ДВАНАЕСЕТТЕ МЕСЕЦИ. с. 357-358.**

По некое време је втасала и гугутката.

- **Помози Бог**, сестрице ластојце – је рекла, што чиниш, како си?

- **Здрао**, сполај Богу, сестрице – је рекла ластојцата – вие што чините?

- Ние, сестрице, ништо не сме сториле – и' рекла гугутката – чунки не сме запраиле уште седело, тики сум дошла при тебе за да те прашам како да си напраам седело. **М. Цепенков. Кн. 1, № 36: ЛАСТОЈЦАТА, ОРЕЛОТ, ШТРКОТ, СТРАЧКАТА И ГУГУТКАТА. с. 91.**

По особым случаям христиане используют специальные формулы приветствия, также выполняющие роль контактоустановления, как в следующем примере. Тут, разумеется, мы имеем дело с более сложной комбинацией функций сообщения: это и конативная, и магическая, и фатическая, и вопрос о том, какая из них преобладает, пожалуй, не имеет однозначного решения. Интересно, что в качестве одной из сторон контакта здесь выступают вымышленные персонажи мужского пола – персонафицированные *к'смети* (турцизм *к'смет* 'талан, везение, удача') православных, которые, хотя и не знакомы адресанту, немедленно опознаются им как единоверцы, что позволяет ему безошибочно принять решение при выборе этикетной формулы:

Барајќи коприви, видел во една чистина едночудо луѓе кај работат: кој греди делкале, кој коли праеле, кој столои, кој друга работа.

- **Ристос воскресе**, брака – му рекол – **денешен за многу години!**

- **Вистина воскресе**, пријателе, **за многу години** и сосе вас! – му одгоориле и пак си работеле.

- Без да се гибните, брака – му рекол сиромажіо – нешто ќе ве прашам. Вие бидејќи сте рисјани, оти работите денеска на ден Велигден? Дали сте момци при Турци? Дали при Евреи? До што је живо денеска, седи и се весели, а пак вие работите?

- Ние сме к'сметите на чорбациите, пријателе – му рекле – та затоа работиме и на ден Велигден за тие да бидат богати и да седат, да не работат. Ете затоа работиме. **М. Цепенков. Кн. 2, № 190: К'СМЕТО ШТО МУ ДАДЕ НА СИРОМАЈИО ЕДНА КОКОШКА ДА МУ НОСИ ПОЗЛАТЕНИ ЈАЈЦА. с. 281-282.**

Все вышесказанное не исключает того, что в представленной в сказках цепенкова балканской коммуникации не используются фатические единицы турецкого происхождения. Так, стандартная формула при вступлении в общение с человеком, которого инициатор контакта застал за работой – *аирлија работа* (← **аир** 'польза, счастье' *тур. haуиr из арабск.*):

Утрото рано си испраил патот. Одејќум по пат, стрел еден чоек што прилегал како к'смет.

- Добро утро, чоече, **аирлија** ти орање!

Тој само си орат и ич не му одгоори, дури не ја истера браздата што ја ораше од нивата.

- Дал ти Господ добро, пријателе – му одгоорил орачот – ако дај Господ, кај си се упатил вака? **М. Цепенков. Кн. 2, № 185: ДВАЈЦА БРАКА И К'СМЕТИТЕ. с. 249-250.** (Отметим попутно, что *ако дај Господ* – славянская параллель турецкому *ишала*.)

В следующем примере приветствие, состоящее из двух турцизмов *air aber* (← haber ‘весть, известие, новость’ из *арабск.*) вкладывается в уста Господа, обращающегося к св. Илии:

Кога бил на земјава свети Илија, големи неправиие гледал по луѓето што се праеле. Од тие неправиие што ’и гледал свети Илија, се качил на една висока планина и излегол пред Бога.

- **Аир абер**, старче – му рекол Господ – што си се мачил до мене нешто?

- Да ти имам молитвата, Господи – му рекол свети Илија. – Ако се мачив, туку те молам, Боженце мило, да не ти останит ат’р, нешто што ќе ти речам. **М. Цепенков. Кн. 2, № 208: СВЕТИ ИЛИЈА КОГА ГЛЕДАЛ ГОЛЕМИ НЕПРАВИЊЕ НА ЗЕМЈАТА. с. 344.**

Материал дает нам и сведения о принятых формах этикета при вступлении в контакт с собеседником-мусульманином, занимающим в социуме господствующее положение:

Турците коа го презеле Прилеп ич пушка не пукнала, чунки биле ёа без глава тогај за тогај. Го пречекале турцкио главатар и „многу ти години“ му рекле. А пак главатарот им рекол: „да сте живи, синковци“. „Многу ти години, ага“ и „да си жив, синко“ и ден денеска се велит. Од нас: „да ти се многу години, ага“, а од Турците: „да си жив, синко“. **М. Цепенков. Кн. 5, № 683: ПРЕДАНИЕ ЗА ПРИЛЕП, ВАРОШ И ОКОЛИНАТА И ЗА БЕГАЊЕТО НА МАРКА КРАЛЕТА ОД ВАРОШ. с. 102.**

Еден селанин отишол кај јазицијата да праша колку му е даванината. Откоа му дал годиње („Многу ти години, ага!“ – му велат нашите селани, макар и граѓани, на нашите Турци) и му рекол:

- Ја види ми го тевтеро, ага, колку даванина имам за давање за да си платам? **М. Цепенков. Кн. 4, № 555: ЦАРСКА ДАВАНИНА ДА ДАВАШ И РУШВЕТ ДА ДАВАШ. с. 348-349.** Очевидно, говоря «наши турки», Цепенков разумеет турок, постоянно проживающих на родине собирателя и понимающих язык местного населения.

Зачастую при контактах с властями македонцы, в различной мере владея турецким языком, использовали турецкие формулы вежливости. Даже при низкой степени владения, очевидно, что первое (или даже единственное), что усваивается – формулы вежливости. В качестве иллюстрации механизма затрудненной коммуникации (речь турецких персонажей сочетает турецкие этикетные формулы и ломаный македонский) и использования турецкого приветствия в речи подневольной райи приведем следующие примеры:

Зел селанецо една ока кафе и му се вратил при јазицијата. Едно го

виде агата оти носи кафе, веднаш беше го пречекал со друго лице и на име му рекол:

- О, о **ош фел’н** [добре дојде], чорбаци Петко, **ошгелд’н**, бујрум [повели], седи да бујурун, белким пари ќе даваш?

- Е, безбели пари, ага, ќе давам, ами што друго – му рекол селанецот. **М. Цепенков. Кн. 4, № 555: ЦАРСКА ДАВАНИНА ДА ДАВАШ И РУШВЕТ ДА ДАВАШ. с. 350.**

Отишол ушакот во градот кај што го пратија кадија и кондисал на мевќеме, та седнал на определеното место кај што треба да седи и да суди. Првио ден му дошле неколцина граѓани кај новио кадија да му речат добре дошол.

- **Ош фелд’н**, кади евенди – му рекле – како си и аирлија да ти е кадил’ко.

- За аирлија да ми е кадил’кот колај ет – му рекол кадијата, иља испат имате? **М. Цепенков. Кн. 4, № 420: КАДИЈАТА И НЕГОВИОТ УШАК. с. 116.**

Известно, что языковая ситуация в эпоху Цепенкова характеризовалась многоязычием. Б.Гавранек отмечает, что «очень важным в этом отношении было русло Вардара (который был, однако, не единственным путем этого типа на Балканах). Мы знаем, что там действительно еще в XIX в. и в начале XX в. население таких торговых центров, как Скопле, Битоль (но, разумеется, не сельское население), было не только двуязычным, но, как правило, трехязычным и даже четырехязычным. Я сам могу засвидетельствовать, что там еще в 30-е годы мелкие ремесленники (являющиеся на Балканах и мелкими торговцами) были по крайней мере трехязычными, а во многих случаях и четырехязычными. Я сам знал человека, говорившего по-сербски, по-македонски, по-албански и по-турецки; и этот человек ни в коем случае не был исключением (правда, я не мог установить, говорил ли он на всех этих языках безукоризненно правильно, но в любых ситуациях он без труда свободно договаривался с собеседником)» (Гавранек, 1972: 99–100). Таковую картину подтверждает как пример самого полиглота-Цепенкова, так и его тексты. Так, один из персонажей бытовых сказок говорит о себе:

Знаиш, море братко, како ќе праиме: твојте брави ќе ’и мешам во мојте и веднаш ќе ’и продаам јас, чунки јас знам од сите јазици: турски знам, грчки, арнауцки, вренцки, италака, влашки и еѓупцки знам, тамам тамам, на! **М. Цепенков. Кн. 4, № 518: ДВАЈЦА ТРГОВЦИ ШТО ОД-НЕСЛИ ДВА БУЛУКА БРАВИ ВО СТАМБОЛ. с. 301.**

Немало текстов Цепенкова специально посвящены недостаточному владению тем или иным языком Балкан, в частности, турецким приняв-

шими ислам славянами области Тиквешия, диалог которых представляет собой смешение двух языковых систем. Он позволяет «услышать» фатические общение этой группы населения и представить себе пестроту языковой картины в Македонии XX в. Обратим внимание, что при переходе от фатической к смысловой части коммуникации говорящие почти полностью переходят на славянский:

- **Сељам аљуќум**, аго Али!

- **Ве аљуќум сељам**, аго Мевмет. Ни цес'н? Не апрс'н, аго Али? Не аеш ли?

- Чок шуќур, аго Мевмет, јазeka арен сум, не аам.

- Алаверс'н да не аеш, кардаш'н! Та море, аго Али, дека беше овија дни?

- Јазeka бев аг-пазар, занесоx белата кобила да ја продада, чунки имаx ацеле за малку арчл'к. Ама не аџет, лели не ја продадох кобилата.

М. Цепенков. Кн. 4, № 582: РАЗГООР ОД ТИКВЕШКИТЕ ПОМАЦИ (II). с. 374.

Функция прерывания контакта обслуживается формулами прощания. В этом случае чаще всего используются те или иные варианты пожелания здоровья:

- <...> **Ај ми со здравје**, пријателе, оди си дома.

- **Седи со здравје**, убао сонце – му рекол – и ти, стара мајко на сонцето, и многу ќе ви бедам благодарен на вашето добро што ми сторивте и нема да ви го забораам вашето добро дури до века. **М. Цепенков. Кн. 1, № 60: БОГАТИО ЧОЕК ШТО ОТИДНА ДУРИ ДО СОНЦЕТО И СЕ ВРАТИ. с. 247.**

Особенностью балканской коммуникации является наличие и широкое употребление в языках региона специальных общепалканских единиц для установки и поддержания контакта. В условиях многоязычия эти единицы обеспечивают понимание между коммуникантами. В македонском языке это лексемы **море** (**маре диал.**, **мор**, **мар диал.**, **ор диал.**), **мори** (**мари диал.**, **мор**, **мар**, **ори диал.**, **ор диал.**), **бре** (**бреј**, **вре диал.**, **ре диал.**, в инициальной позиции **абре**), **бе** (в инициальной позиции **абе**), **ма**. В научной литературе отмечается трудность установления статуса этих единиц (привокативные, приимперативные частицы (см. Карпенчук, 2001) или междометия, как *бре* во всех македонских словарях, для *море* и *мори* в РСХТ и ЗМ, для *бе* в РСХТ и ИМ). Т.В.Цивьян видит в них «особый класс слов-шифтеров, до этого времени в грамматических описаниях расплывавшийся между морфологией и синтаксисом, или, скорее, синтаксической стилистикой. Этот класс слов является важным элементом структуры БЯС на уровне языка, а не только речи»

(Цивьян, 2003; 230).

Море, бре, бе и *ма* весьма частотны и в современной устной непринужденной коммуникации, *мори*, специализированное для адресата женского пола, является уходящим (термин Ю.Д. Апресяна, введенный в введенном в «Активном словаре русского языка» для устаревающих, но еще не устаревших лексических единиц), и его место занимает становящееся универсальным *море*. Сегодня эти элементы воспринимаются как экспрессивно окрашенные, чаще сниженного характера, а в современных пособиях по этикету авторы рекомендуют воздержаться от их употребления как от грубых и некультурных, однако такая оценка не вполне соответствует реальному узусу и игнорирует факты исторического развития языка. Тексты Цепенкова наглядно показывают, сколь тотальным было употребление этих слов в его время. Из всех собранных нами междометий это самые частотные, без них практически не обходится диалог, зачастую в одном предложении присутствует два и более фатика. В текстах собирателя представлены *море, мори, бре/бреј* (с вариантом *абре* в инициальной позиции) и довольно редкое *бе*. При адресации к лицу женского пола последовательно употребляется *мори*, в то время как для мужского используется *море*:

Во една света недела беше отишол попо на село да му служи в црква литургија. Црпчето и' рекло на попадијата:

- **Мори** моја мајко, ја спремај ми коња дорија, оти ќе одам кај татка на село на гости; зер дека сум црпче, тики нигде не ме однесуате на гости.

- **Море**, немој, **бре** чедо, не оди на гости на коњ, оти не моиш да се држиш ти на коњот – му рекла попадијата – тики да не падниш, да секој што ќе те видит, ќе ти се смеит и шега ќе ти се биет. **М. Цепенков. Кн. 1, № 57: ПОПАДИЈАТА ШТО РОДИ ЦРПЧЕ. с. 210.**

Најпосле, беше измислил попо еден попски маривет.

- **А бре море** чоек – му рекол попо – јас те гледам оти си се ошутил, знаиш оти јас можам со нивата испат да ти го сторам? Утре, Боже поможи, дојди овде и ќе појдиме на нива, ќе ја прашаме чија ет, сама нека кажит. **М. Цепенков. Кн. 5, № 664: КРТОТ Е ПОПСКИ СИН. с. 79.**

Фатические единицы часто выполняют контактоустанавливающую роль, будучи своего рода сигналом собеседнику «внимание, я собираюсь тебе нечто сообщить» и открывают инициальную реплику. При этом они используются в том случае, если говорящий находится в поле видимости и достаточной для контакта слышимости адресата, и тот может ожидать контакта, при отсутствии этих условий необходимо междометие оклика (*еј, ејгиди и др.*, см. в разделе о конативах). В инициальной

позиции *бре* в контактоустанавливающей функции требует расширения (*a, e, aj, xa* и т.п):

Еден ден беше го извикала момчето на една страна и му рекла:

- **Абре** момче, знаиш што сум издумала нешто, али не знаиш? **М. Цепенков. Кн. 1, № 52: СИРОМАШКОТО МОМЧЕ И ЛИСИЦАТА ШТО ГО СТОРИЛА ЦАРЕВ ЗЕТ. с. 178.**

Ежо и крто беа се заортачиле некоаш за да работат селцка работа.

- **Е, бре** крту – му рекол ешко – сега што да ватиме некоја работа? **М. Цепенков. Кн. 1, № 1: ЛИСИЦАТА, ЕЖО И КРТО. с. 5.**

Налутени на Адама како што беа сите луѓе кај глаата, дадоа вик:

- **Ха, бре** луѓе, грабнете 'и овие колнати дрвја да 'и врлиме во батако, оти и тие сет на глаата од Адама израснати и проколнати. **М.Цепенков. Кн. 2, № 155: КРСТОТ ХРИСТОВ И ГЛАВАТА ОД АДАМА. с. 164.**

Имало еден сиромав чоек што имал само една кокошчица и две-три ока брашненце и рекол еднаш на жената си:

- **Мори** домаќинко, знаиш што сум намилил, али не знаиш? Многу ми јет мило за да го канам Господ на вечера, ај да ја заколиме кокшчицана и меси една погача од брашенцето, та да го канам Господ за вечера. **М. Цепенков. Кн. 2, № 159: ХРИСТОС СО ДВАНАЕСЕТТЕ АПОСТОЛИ. с. 180.**

Наболее частотная позиция фатиков – привокативная, что логично, исходя из фатической же функции вокатива.

Между тем, контактоустановление – не самая важная роль для рассматриваемых единиц, и мы видели в примерах выше, что они могут открывать и ответную реплику. Их важнейшая функция – контактоподдержание. Ситуации поддержания речевого контакта Е.В.Клобуков делит на следующие группы: «(1) ситуация заполнения «коммуникативных пауз»; (2) ситуации оптимизации коммуникативного процесса; (3) ситуации проверки канала связи» (Клобуков, 1996: 196). Ситуации типа (1) в македонском языке выполняют hesitant фатические единицы *e-e-e, ммм, па-а*, у Цепенкова почти не представленные: его персонажи, как и сам автор, за словом в карман не лезут. Центральными для коммуникации, отраженной в сказках, являются функции (2) и (3), тесно между собой связанные в условиях балканской (многоязычной и часто затрудненной) коммуникации (см. цитированное выше о важности этих функций для БЯС у Цивьян, 1979). Обильность, даже по сравнению с современной коммуникацией, употребления этих единиц у Цепенкова красноречиво подтверждает это.

Освен сиромашията што го мачела, двојно жената му го мачела и

му зборуала оти да не е вреден да ја гледа куќата, као друзи домаќини што ја гледале.

- **Море** домаќине **бре, море** као ќе праиме со нашава сиромаштија, **бре**? Коа не си бил вреден да раниш жена и деца, зашто се женеше, **бре**? Зар ти не знаеше оти куќата има деведесет и девет дупки и сто и две затки? Слушај вамо, домаќине, досеа било као било, сум гладувала, сосе деца; голи, боси, кај сме, као никој нигде! **Море, море** домаќине, знаиш оти од Еѓуптино сме подолу, али не знаиш? Оди кај сакаш, да си бараш чарето да ми донесиш во куќава сè што треба. Инаку, ќе ти 'и остаам децата и ќе се не видам кај да фатам. Вака да знаиш!

- Оти така ми зборуаш, **мори** домаќинко, и ме напаѓаш? Дали не работам дење и ноќе; дрво и камен кај толчам. И тоа што го печалам, на меана, али на комар не го давам, сè за куќи кај го носам, ами коа толку ми е дарот од Бога? **М. Цепенков. Кн. 2, № 112: СИРОМАЈОТ ШТО БАРАШЕ БОГА. с. 45.**

Разумеетсја, в данном случае речь идет о коммуникации в рамках одного идиома, оба коммуниканта полностью владеют кодом, но употребление фатических элементов усиливает экспрессивность высказывания (и часто обусловлено ею), что служит повышению убедительности высказывания, способствует привлечению его внимания к наиболее важным, эмоционально значимым для говорящего моментам, т.е. для оптимизации речевого контакта. В русском языке эту функцию выполняют фатические обращения (Клобуков, 1996: 2000), а в македонском языке имеются для этого специализированные средства.

Можно отметить и тенденцию к синтаксической формализации позиции фатиков: так, часто повторяется коммуникативная схема разметки сообщения фатическими единицами *Море... бре*:

Ја остаил да течит пред една спила реката и пошол кај брата си за да види дали го напраил манастиро.

- **Море** што стори, брате **бре**, дали го напраи манастиро, али не ет уште?

- Еве кај го праат, брате – му рекол тој. – Со Господ напред за брго ќе го биттисам, туку вие што сторивте со реката? Дали ќе ја донесите со Господ поброго, али ќе се забјате? **М. Цепенков. Кн. 5, № 708: СЕЛО МАНАСТИРЕЦ. с. 147.**

Гледајќи го жената така, го прашала:

- **Море**, што така ми стоиш без кеф, **бре** домаќине? Што гајле нешто имаш, не ќе ми кажиш?

- Лели ме прашаш, мори жено, да ти кажам што гајле имам. **М. Цепенков. Кн. 4, № 377: ДВЕ ЖЕНИ НЕЈКЕЛА ДА ИМА, ДВА МАЖА**

САКАЛА. с. 43.

Имало еден куменција калпазанин во некој голем град. Ќе приготвил стрebro да напраит некому прстен, али обетки, али белезици и вед-наш гаолот ќе му шепнел во левото уо и ќе му речел:

- **Море**, не биди будала, **бре** куменцијо, да му праиш од стрebro прстење и обетки; бакар, бакар чукај му и праи му! **М. Цепенков. Кн. 2, № 140: ЃАОЛОТ И КУМЕНЦИЈАТА. с. 116.**

Така си мислеше со умо царо и седе дури да се стемни, та си отиде до портата од сарајо и едно да влезе, карауло го запре, чунки го чини да е некој поулаен. При сè што му таксал царо големец да го напраи, тој не го пуштал, чунки цар му се кажуал.

- **Море**, каков цар си ти **бре**, голе – му рекол караулот. – Царот уште пред да зајди сонцето си дојде од капење, ја истај ми се од пред очиве да не ти 'и истурам цревата со гаргијава! **М. Цепенков. Кн. 2, № 99: ГОСПОД НАКАЖА ЕДЕН ВОЗГОРДЕН ЦАР ЗА ТРИ ГОДИНИ ДА БИДЕ СЛУГА И ДА ГЛАДУВА И КАКО СЕ СМИРИ, ПАК ГО ВО-ЦАРИ. с. 12-13.**

Јавнал дрварот коњчето и жената му ја качил на кобилата, та си тргнале по пат. Дошле на едно угорно и кобилата поостанала напат, а ждребето пооткачило и му викна на мајка си за да повјаса да го втасат.

Таа му одгоорила:

- **Мори** арно, **бре** синко, да повјасам, туку јас сум со четири души, а ти со две. **М. Цепенков. Кн. 1, № 84: ДРВАРОТ ШТО РАЗБИРАШЕ ЈАЗИЦИТЕ НА ЖИВОТИНКИТЕ. с. 400.**

Чин саба (во темни зори) царо го опколил езерото да видит што има, што нема. Одејќи, чул еден глас како од подземие да плачит некој чоек и по гласо нашол една порта и кротку-кротку, влегол внатре. Кога видел – еден чоек зад портата, од појас удоулу скамнет! Коа го видел скамнетиот чоек, царот се зачудил!

- **Море**, од кај те донесе, **бре** брате, Господ овде? – му рекол. – Како те дочека Господ да не дојдиш пред еден черек саат, оти тука беше жената што ме скамнила мене, да можеше и тебе да те скамни, како што ме скамнила мене! **М. Цепенков. Кн. 1, № 76: РИБАРОТ ШТО ИЗВАДЕ ОД РЕКА ШИШЕ СО ЃАОЛОТ ВНАТРЕ. с. 374.**

В функции оптимизации контакта, с одной стороны, и повышенной экспрессивности, с другой, кроется объяснение перехода этих единиц как в чисто эмотивные междометия, так и в союзы:

эмотивное междометие:

При переходе в эмотив *бре* и в инициальной позиции выступает без расширения.

Во истото време беше огреало сонцето и беше му блеснало сараите од зета си од преку море. На часо беше свртел дулбијата прао во сараите и кога видел, на големо чудо беше станал:

- **Бре**, од кај никна оној пусти сарај, преку море? Досега немало, еве јас набрго кај сум гледал по море со дулбијата и не сум видел сарај. Сега гледам чуден и пречуден сарај! Ако е навистина, за големо чудо ќе бидит! Да ми се престоруа, како на сон да гледам, не веруам да ми се престоруа. Вистина треба да се сараи и друго ништо! **М. Цепенков. Кн. 1, № 54: МРЗЛИВИО КЕЛЕШ И ЗМИЈАТА. с. 194.**

союз:

Коа чу тој збор сиромано од пустио верен ортак, што печалеше од ден на ден да му ја тргни ортомата, што печалеше од ден на ден да му ја тргни ортомата, му се пушти на чоeko и, едно вакање за грклан, беше му го истегнал, и на часо си умрел чоекот. Бргу луѓе се натрчале да го вида[т] умренио, **бре**, кој беше, **бре**, што беше, што го удај чоекот? Никој не го виде коа го удај. **М. Цепенков. Кн. 2, № 143: ЃАВОЛОТ И ОРТАКОТ НЕГОВ. с. 133.** Здесь наблюдается яркий переходный случай – от фатика к союзу.

Коа чула царица Елена оти Евреите го знаеле крсто Ристов, заповедала на постарите Евреи да дојдат при неа за да ’и праша. Арно, оти дошле Евреите при царица Елена, ама ич му кажуаат каде е крсто Ристов? Ако кажуа змијата ногата, да и Евреин да кажи крсто Ристов! **Бре**, ’и молила царица Елена, **бре** ’и галила, **бре** ’и коткала за да и’ кажит, **бре** таксуачки му таксуала за оти големи бакшиши да му даит, арно ама ич је кажуат! **М. Цепенков. Кн. 2, № 157: КРСТОТ ХРИСТОВ, ЦАР КОСТАДИН И ЦАРИЦА ЕЛЕНА. с. 173.**

Иследуя «слова типа того» Ю.С. Карпенчук приходит к выводу что они «во всех балканских языках реализуются в качестве: 1) обращения, выполняющего все функции стандартизованного обращения, кроме номинативной; 2) вокативной частицы, сопровождающей стандартизованное обращение, которая усиливает его призывную функцию и/или эмоционально-экспрессивную окраску, а так же оформляет в качестве обращения те единицы языка, которые не могут выступать в данной функции самостоятельно (например, личные местоимения 2-го лица); 3) междометия, служащего для выражения чувств и эмоций говорящего» (Карпенчук 2001: 224). Однако здесь под 1) указана функция, без определения частеречной принадлежности, а под 2) и 3) – частеречный статус. Представляется, что в случае 1) и 2) речь идет о фатической функции, а случаи типа 3) охватывают употребления, где фатика переходит в эмотивы, а внутри класса междометий, и в особенности эмотивов, кона-

тивов и фатиков такие переходы частотны и закономерны.

Подводя итоги, можем отметить, что эмотивные, конативные и фатические междометия у Марко Цепенкова придают диалогам живость и естественность, вовлекая читателя в описываемую ситуацию, заражая его эмоциональным состоянием героев, заставляя сопереживать им. Они наиболее ярко показывают специфику балканской многоязычной коммуникации и характеризуют балканскую языковую личность.

Собранный материал позволяет проследить эволюцию в употреблении междометий. Это прежде всего относится к «социальным» единицам: конативам, фатикам, этикетным формулам. И как показывает анализ, тексты Цепенкова отражают социальную ситуацию, характерную для XIX в. и демонстрируют коренные изменения речевого этикета.

Некоторая часть междометий-турцизмов, активно употреблявшихся во времена Цепенкова, устарела, но другая часть до сих пор используется. Интересно, что периодически входят в моду уже устаревшие и, казалось бы, забытые междометия, например, в последнее время оживилось употребление *дејиди* (≈ ‘ой ты’) и *алаверсин* (‘дай Боже’).

Богатый материал по фатическим коммуникативам позволяет исследовать зависимость их употребления от коммуникативного и социального статуса адресанта и адресата, способа проверки канала связи, условий протекания коммуникации и стадии речевого акта. Кроме того, тексты показывают механизм перехода фатиков в эмотивы и сочинительные союзы.

Таким образом, материал, эксцерпированный из текстов Цепенкова, оказался столь объемным, разнообразным и значимым, что заслуживает того, чтобы стать предметом специального лексикографического описания, а не только войти в словарь междометий и ономастопей македонского языка.

Литература:

Боронникова, Н. В., Верижникова, Е. В. 2014. Междометия в македонском языке (разработка концепции словаря). Во: *Руско-македонски јазични, литературни и културни врски 5 / во редакција на Максим Каранфиловски*. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески». С. 59–82.

Боронникова, Н. В., Верижникова, Е. В. 2011. О коммуникативном статусе заимствованных междометий в современном македонском языке (на примере турецкого междометия *аман*). В: *Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Ерофеева*; Перм. гос. нац. унт. – Пермь Вып. 15: Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений: К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. 320. С. 276-300.

Верижникова, Е. В. 2011. Кон прашањето за позајмените извици: машала. Во:

- XXXVII Научна конференција на Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура: (Охрид, 15 и 16 јули 2010). Лингвистика. Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј». С. 43-60.*
- Виноградов, В. В. 1986. *Русский язык*. М.: Высшая школа.
- Вежбицкая, А. 1999. Семантика междометия. В: *Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков*. Москва: «Языки русской культуры». С. 611-649.
- Гавранек, Б. 1972. К проблематике смешения языков. В: *Новое в лингвистике*. Вып. 6. Москва. С. 94-111.
- Добрушина, Н. Р. 1995. *Принципы и методы системного лексикографического описания междометий: дис. ... канд. филол. наук*. Москва.
- Карпенчук, Ю. С. 2001. *Слова типа toге в функции обращения как проблема балканского языкознания: На материале албанского и новогреческого языков: дисс. ... канд. филол. наук: СПб.*
- Клобуков, Е. В. 1996. Типы фатических ситуаций. В: *Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония*. М.: Изд-во МГУ. С. 185-2007.
- Кобозева, И.М., Захаров, Л.М. 2007. «Как много в этом звуке...» (просодико-семантические варианты русского междометия А). В: *Лингвистическая полифония: сборник в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой / отв. ред. В. А. Виноградов*. М., С. 609-627.
- Конески, Б. 1967. *Граматика на македонскиот литературен јазик*. Скопје: Култура. Дел I и II.
- Конески, Б. 1972. Марко Цепенков. Во: Конески Б. *Беседи и огледи*. Скопје: Македонска книга. С. 105–120.
- Кустова, Е. Ю. 2010. *Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракционные функции: Автореф. дис. ... докт. филол. наук*. Воронеж.
- Никодиновски, З. 2011. Извиците во јазикот и во говорот. Во: *XXXVII научна конференција на XLIII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Лингвистика*. Охрид, 15-16 јули 2010. Скопје. С.159–163.
- Середа, Е. В. 2005. *Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учеб. пособие*. Москва: Флинта.
- Тодоровски, Г. 1974. Животот и делото на Марко Цепенков. Во: Цепенков М. *Одбрани творби*. Скопје: Македонска книга. С. 5-30.
- Усикова, Р.П. 2003. *Грамматика македонского литературного языка*. М.: Муравей.
- Успенский, Б. А. 1994. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. В: Успенский Б. А. *Избранные труды*, том 2. Язык и культура. Москва: Гнозис. С. 53-128.
- Цивьян, Т. В. 2009. *Модель мира и ее лингвистические основы*. М.: Книжный дом «Либроком».
- Шаронов, И. А. 2008. *Междометия в речи, тексте и словаре*. Москва: РГГУ.

- Шаронов, И. А. 2006. Эмоциональные междометия и вокальные жесты. В: *Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей.* Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. Москва, С. 605–617.
- Шляхова, С. С. 2004. *Дребези языка: Словарь русских фоносемантических маргиналий.* Пермь: Перм. гос. техн. ун-т.
- Якобсон, Р. 1975. Лингвистика и поэтика. В: *Структурализм: „за“ и „против“.* Москва: Прогресс. <http://philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>. Состояние: 17.04.2012.
- Ameka, F. 1992. Interjections: The universal yet neglected part of speech. In: *Journal of Pragmatics.* North-Holland. 19 (1992). P. 101–118.
- Friedman, V. 1996. The Turkish Lexical Element in the Languages of the Republic of Macedonia from the Ottoman Period to Independence. In: *Zfb*, 32 (1996) 2. P. 131-150.
- Matras, Y. 1998. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing. In: *Linguistics*, 36 2 (1998) P. 281–331.
- Wierzbicka, A. 1992. The semantics of interjections. In: *Journal of Pragmatics.* North-Holland. 18 (1992). P. 159–192.
- Wilkins, D.P. 1992. Interjections as deictics. In: *Journal of Pragmatics.* North-Holland. 18 (1992). P. 119–158.
- Wharton, T. 2003. Interjections, language and the ‘showing’, ‘saying’ continuum In: *Pragmatics and Cognition.* 11(1). P. 39–91.

Словари:

- БЕР: *Български етимологичен речник.* Българска Академия на науките. Институт за български език. Ред. *Вл. И. Георгиев. Съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев.* София: Издателство на Българската академия на науките. 1971–2011. Т. 1-7.
- ЗМ: Мургоски, З. *Речник на македонскиот јазик.* Скопје, 2005. XV. 948 с.
- ИМЈ: *Толковен речник на македонскиот јазик /* Главен редактор К. Конески, раководител на проектот С. Велковска. Т. I: А-Ж. Скопје 2003, XXI, 637 с. Т. II: З-К. Скопје, 2005. 675 с. Т. III: Л-О. Скопје, 2006. 613 с. Т. IV: П. Скопје, 2008. 680 с. Т. V: Р-С. Скопје, 2011. 623 с. Т. VI: Т-Ш. Скопје, 2014. 572 с.
- Квеселевич, Д. И., Сасина, В. П. *Русско-английский словарь междометий = Russian-English Dictionary of Interjections.* М.: Астрель, АСТ, 2001. 512 с. *Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: ок. 1200 единиц /* Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачёва и др.; Под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. - М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 421 [11] с.
- РМНП: *Речник на македонската народна поезија.* Под редакција на Т. Димитровски. Скопје. Т. I: А-Г. Скопје, 1983, XXIII, 452 с. Т. II: Д-С. Скопје, 1987. 506 с. Т. III: И-К. Скопје, 1993. 529 с. Т. IV: Л-М. Скопје, 2001.

379 с.

- РСХТ: *Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања* / Ред. Б. Конески. Составувачи Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Т. I: А-Н, Скопје, 1961. 510 с. Т. II: О-П, Скопје, 1965. 595 с. Т. III: Р-Ш, Скопје, 1966. 606 с.
- Фасмер, М. 2009. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х т. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Москва: Астрель: АСТ.
- ФРМЈ: Димитровски Т., Ширилов Т. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*. Том 1: А-Ј. Скопје, 2003. – 433с. Том 2: К-П. Скопје, 2008. – 433 с. Том 3: Р-Ш. Скопје, 2009. – 479 с.

Источници:

- Македонски народни приказни* / [собрал] Марко К. Цепенков; приредил Кирил Пенушлиски. Скопје: Македонска книга. 1989. Кн. 1. 451 с. (№ 1-96). Кн. 2. 418 с. (№ 97-234). Кн. 3. 380 с. (№ 235-357). Кн. 4. 427 с. (№358-617). Кн. 5. 366 с. (№ 618-799).
- Цепенков, Марко К. 1972. *Македонски народни умотворби. Книга десетта. Материјали и литературни творби*. Скопје: Македонска книга. 458 с.
- Цепенков, Марко Костов. 1998-2011. *Фолклорно наследство: В 6 т.* / Марко К. Цепенков; Бълг. акад. на науките. Ин-т за фолклор. Софија: Акад. изд-во «Проф. Марин Дринов».